

Малая война русских государств

«Период безвластия в России кончился»

*Борис Ельцин*¹

«Откуда появилось это странное убеждение, что демократия — это Ельцин и ничего, кроме Ельцина? Живут себе народы разных стран, Франция, скажем, или Германия, без всякого Ельцина, но вполне при демократии ...»

В. Максимов, А. Синявский,

*П. Абовин-Егидес*²

«Государство, семья, собственность!»

*Сергей Шахрай*³

Ельцин — а мы пользуемся *этим именем* для обозначения всех тех политических сил, интересов, идей, которые вышли победителями из малой государственной войны 1993 года, лишь для того, чтобы подчеркнуть тенденцию к типично русской *оперсонификации* государства или к огосударствлению Ельцина — так вот, Ельцин, что бы о нём ни говорили, так же неспособен похоронить русскую демократию, как и неспособен её защитить. И дело здесь вовсе не в том, что он по складу характера непригоден для этих ролей, а в том, что даже он не может уничтожить или защитить того, чего на данный момент в России просто не существует, и чего — а проследив ход событий русской *государственной революции с 1985 до 1993 года*, мы можем это с полным основанием сказать — и не могло существовать. Конечно, мы имеем в виду русскую демократию, которая либо осуществляется самим русским обществом *в его непосредственных действиях*, либо не осуществляется никак. Для этого необходимо наличие свободного или

стремящегося к свободе, дееспособного, обладающего значительными автономиями и готового эти автономии отстаивать, способного к самоорганизации русского общества. Однако русское общество постсоветского периода слабо как никогда. Оно буквально превратилось в собственную тень! Так что же удивляться тому, что оно неспособно на инициативу и самостоятельные шаги, что даже *политический раскол в конце восьмидесятых годов произошёл не в обществе и не между обществом и государством, а в самом государстве*. И произошла эта великая историческая метаморфоза в форме конституционно-договорной и в форме анти-конституционно-кровавой смены государств, почти не затронувшей общество. «Демократия», «правовое государство», «разделение ветвей власти», «свободные выборы», «многопартийность», «рыночная экономика», «неприкосновенность честной собственности», и т. д. и т. п. — вдохновителем, приверженцем, а вместе с тем и гарантом всего этого, в России стало государство, точнее, не просто государство, а одно из её государств вопреки другому. Новое, приверженное делу «модернизации», «свободы» государство (!) пошло против старого, «антимодерного», «реакционного», в то время как разбуженное и едва стряхнувшее с себя сладкий сон коммунизма общество-Обломов нехотя сносило, терпело или с недоумением и любопытством наблюдало, что же на этот раз решило проделать с ним его государство-Штольц. Да и можно ли говорить о демократии там, где залогом, фундаментом её является не свободное общество, а «свободное государство», где принципы, законы, институты, механизмы, ограничивающие обуздывающие государство, формируются не на основе жизни, интересов, запросов, состава общества, где «демократия», является лишь *ответом на вызов, брошенный извне*, там, где, при необходимости, государство готово насаждать её силой, как во времена Екатерины картошку? Я говорю всё это не в качестве упрёка или поучения. Я не думаю, что русское общество следует или можно «призвать к ответственности» за то, каким оно является, то есть за то, что оно отличается от западного и из лениности или скудоумия не в состоянии взять в собственные руки дело свободы (а что же ему

делать, если «собственных» рук-то у него и нет, если руки эти испокон веков заменялись железными кулачищами государственной машины!). Я не думаю, что русское общество так слабо сейчас потому, что его «изнурил», «сделал больным» «дурман коммунизма», независимо от того, кто что понимает под этим самым «дурманом коммунизма»: антирусский «западный» дурман (как у русских националистов) или антикапиталистический, антизападный, «восточный дурман» (как у русских либералов). И русских демократов я не стану упрекать в «огосударствлении», в том, что они подобрали себе государство, чтобы через него проводить в жизнь свои «западнические» идеи, чтобы с его помощью создать предпосылки для «возвращения на магистральный путь развития мировой цивилизации», ускорить это интегрирование, поскольку опереться на другое, в западном смысле понимаемое общество, они просто не могли. Однако сути дела это не меняет, всё равно в этой интеграции заинтересовано не общество, а государство и вцепившиеся в него, «захватившие» его элитные группы, а пассивное сопротивление, страх и равнодушие общества по отношению к новым — на этот раз демократическим и рыночным — государственным формам в равной степени относятся и к государственному насилию «вестернизации», и к самой западной цивилизации. То, что поначалу производит впечатление социального и политического сопротивления (а некоторыми политическими группами это именно таким образом и обыгрывается), на самом деле скорее представляет собой неприятие чуждой цивилизации, а то, что кажется победой демократии, на самом деле — не что иное, как победа нового, пришедшего на смену старому и одряхлевшему, набирающего силу государственного центра над русским хаосом. Не демократия и не диктатура, а модернизированная, оснащенная новыми институтами и идеологией, технологически усовершенствованная государственная власть. И до тех пор, пока альтернативой сильного государственного центра является общественный хаос, произвол на местах и гражданская война, пока *отсутствие сильного и автономного общества* не приведёт к тому, что огромная, занимающая целый континент

историческая Россия окажется разделённой на множество русских государств, до тех пор, пока русское супергосударство двадцатого века не сможет распаться без хаоса и мировой катастрофы — более того, нет такого политического скальпеля, которым можно было бы её распластать —, до тех пор неотвратно будет повторяться то событие мирового масштаба, которое всегда следует за русскими «переходными периодами», за «смутами»: рождение нового единого государства, нового центра. И тогда — совершенно независимо от того, как назовёт себя это новое государство и чем оно себя воображает, «просвещённым обсолютизмом», «коммунизмом» или «демократией» — восстанавливается преемственность русского развития, реставрируется «восточно-европейская модель развития» (Ене Сюч), а русская цивилизация получает очередную отсрочку. (Создаётся видимость, что единое государство губительно для русской цивилизации, на самом же деле оно, присущим ему чудовищным образом опираясь на неё, продливает ей тем самым жизнь. И проблема здесь не с самой самобытной русской цивилизацией, столь отличной от западной, а с той ценой, которую уже вынуждено было заплатить за её сохранение русское общество и весь мир и которую, похоже, ещё предстоит заплатить.

1

В свете вышесказанного, возможно, понятнее та терминологическая, идейная и политическая неразбериха, та размытость линий политических фронтов, которая делает из применяющего «шоковую терапию» государства *левых*, а из эгалитарной антикапиталистической оппозиции — *правых*, в которой «красные» и «коричневые» находят друг в друге *патриотов*, вчерашние демократы с незапятнанной репутацией во мгновение ока становятся «антидемократами», «сторонники свободы» — «государственниками», а истинные демократы, люди, защищавшие в августе 90-го Белый Дом, к октябрю 93-го превращаются в «коммуно-фашистских пигмеев».

Пора бы наконец понять, что в России всё происходит по-другому, политические события развиваются по другой колее, не так, как на Западе. Другие понятия вкладываются в слова «демократия», «государство», «революции», и за словами «национализм», «популизм», «фашизм» стоит не то, что мы думаем. И когда мы для описания и анализа событий русской политической жизни ничтоже сумняшеся используем выражения, заимствованные из западной политической жизни и из западного политического жаргона, мы оперируем расплывчатыми метафорами, в большинстве случаев лишь вводящими в заблуждение, не отражающими истинный ход и самобытность происходящего. И тогда нам на минуту кажется, что всё «сходится», всё «раскладывается по полочкам», всё поддается объяснению, однако, в следующий момент мыльный пузырь лопается, это минутное просветление сменяется подлинной тьмой, в которой начинают вырисовываться контуры «загадочной», «умом не постижимой», «несущейся птицей-тройкой», России, в которую «вселились бесы»...

Таким образом, тот, кто говорит, что осенью этого года президент Ельцин, «законно пользуясь возложенной на него властью, распустил парламент, как это сделал в своё время Валенса, тоже распустивший парламент и назначивший новые выборы», или тот, кто пишет, что во время октябрьской госвойны «президент Ельцин подавил коммуно-фашистский мятеж», тот не просто неточно выражается, он говорит бессмыслицу. Что греха таить, такая бессмыслица частенько срывается у нас с языка. Западный, а точнее, «западно-восточный» человек, с его высокомерием цивилизатора и запалом миссионера зачастую не замечает и не осознаёт «инакости» и более разительные, чем русские. Инакости или не замечаются, или замечаются как отклонение от нормы, и тогда — горе разрушителью. Россия, таскающая на себе «инакость» как тяжкую постыдную ношу, пытающаяся избавиться от неё, сваливая всё на других — на инородцев, на русофобские силы и идеологии, больше всего на свете хотела бы соответствовать западным нормам, стать наконец «нормальной страной». И именно эти её старания, отчаянные и суетливые по-

пытки уподобиться, видоизмениться искажают её облик, подчёркивают, насколько безнадёжно иной она является. Ведь задача, в действительности стоящая перед ней, заключается в обратном: в признании своей самобытности «нормальным» состоянием, в модернизации на основе этой самобытности, а не в том, чтобы то обожествлять и превозносить эту самобытность, то, наоборот, ненавидеть и стыдиться её, свидетелями чего мы недавно снова стали.

Следовательно, вероятность того, что Ельцин сумел бы сыграть в октябре роль «русского Пиночета» так же мала, как то, что из него — при ином исходе событий — получился бы «русский Альенде». И вовсе не потому, что по складу характера он не подходит для этих ролей, а потому, что парламент, состоящий из народных депутатов, не был «демократией», президент — легитимным главой демократической политической системы, а Ельцин, пославший армию на обстрел Белого дома, — «военным диктатором». Уже само употребление слов «диктатура» и «демократия» в России сомнительно, поскольку диктатура предполагает то, что в стране была, есть или по крайней мере возможна если не сама демократия, то её зачатки, общественные условия, предпосылки. Если бы Ельцин сумел осуществить диктатуру в современном понимании этого слова, это означало бы такой революционной перелом на уровне общественной модели, по сравнению с которым та шоковая терапия, спущенная и проводимая либеральными реформаторами-экономистами из государства, — не более, чем эпизод «азиатского способа производства». Естественно, я не хочу этим сказать, что такая «диктатура» желательна или «исторически оправдана», я хочу лишь показать, каким рискованным может быть уже один только перенос на русскую историческую сцену тех привычных формул, которые обычно используют для выражения политического одобрения или политического осуждения.

...В Чили демократия была создана обществом, она отражала политическую расчлененность общества и стала невозможной в результате внутреннего раскола общества. В России же — и не в первый уже раз — кризис наступил в госу-

дарстве, и кровавые события, разразившиеся в октябре, только заделали общество. На московских улицах общество появляется в виде некоего «прохожего», уличного зеваки, раскрыв рот, наблюдающего схватку богов на «государственном Олимпе». Он подсматривает, глазаёт, разглядывает в подзорную трубу с балкона (словно в театре), не может оторвать глаз, как зевака, который по дороге с работу или на работу оказался свидетелем дорожного происшествия.

Большинство жертв кровопролития — это не активные участники боёв, а снующие среди вооруженных людей, любопытствующие гражданские лица (кроме тех, кто оказался заложником в Белом доме). Такую же картину реакции всего общества мы наблюдали в августе 1991 года, во время первой постсоветской смены государств. (Осторожно! Здесь нас не должна вводить в заблуждение активность наиболее решительно настроенных, наиболее политизированных групп интеллигенции и городских низов: на десятиmillionную Москву это несколько сот тысяч человек!) Иначе и быть не могло, ведь раскололось не общество, на две части распалось государство, не гражданин пошёл на гражданина, а одно русское государство объявило войну другому. Не будем сейчас разбираться в том, «кто начал?», «кто объявил войну?», «кто спровоцировал?», «кто предпочёл тишину тайной дипломатии грохоту орудий» и даже в том, «кто виноват?» и «кто был прав?» Сути дела, а именно того, что в Москве имела место не миниатюрная гражданская война, а миниатюрная государственная война и подавляющее большинство граждан заняло при этом позицию сторонних наблюдателей и болельщиков, это не меняет. Несправедливо было бы, однако, упрекать и осуждать за это русское общество, как это сделали после октябрьских событий в своих страстных публицистических статьях многие видные русские интеллигенты. Не прояснит картины и попытка усмотреть в пассивности общества, в его равнодушии, «сторонней позиции» решительную политическую позицию (за или против). Для русского общества, политически нерасчленённого, неспособного отделиться от государства, *и в августе, и в октябре* эта пассивность была *обычным, нормаль-*

ным историческим поведением. Русское общество всегда вело себя подобным образом в переходные периоды, в смутные времена, на этапах смены государств (инверсией этого поведения, как мы знаем, является «русский бунт», который нашёл своё выражение, например, в пугачёвщине и погромах, тот самый, «бессмысленный и беспощадный» — согласно заезженной цитате из Пушкина. Общество до такой степени неоформлено, слабо, что — опять-таки вопреки опасениям и зловещим предсказаниям на Западе — даже стремительного падения жизненного уровня, даже полного обнищания, даже обострения социальных противоречий между очень богатыми и очень бедными оказалось недостаточно, чтобы оно вышло наконец в политику или на улицу (исключение составляют случайные толпы, собирающиеся на антиельцинских демонстрациях и состоящие из несчастных, стариков, юродивых и люмпенов). Даже профсоюзы скорее являются частью государства, чем общества, не говоря уже о православной церкви, которая никак не может вжиться в свою новую роль и вместо того, чтобы стать «гласом» народа, занимается посредничеством между различными государственными интересами и группировками, к чему предрасполагает её вся её многовековая история. (Характерным и неловким эпизодом русской государственной войны стала попытка православной церкви выступить в роли посредника между двумя государствами, между «двумя братьями», напоминая попытку Митрополита Московского помирить великого князя с его братом в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв»). Провал этой инициативы, помимо самой неудачи, означал также серьёзный урон для престижа церкви.

2

И в августе 91-го, и в октябре этого года одно русское государство пришло в столкновение с другим. Не изменилось и место действия, только на этот раз те, кто раньше живым кольцом заслонял Белый дом, теперь, окружили его кольцом

осады, а многие из бывших защитников, после безумной и кровавой попытки захвата власти, засели в здании парламента, прямой наводкой обстреливавшегося армией. На одной стороне оказалось *государство-президент* Ельцина, на другой — опирающееся на власть советов *государство-парламент*. Государство-президент, бастион «демократических реформ», «шоковой терапии», было одновременно и *новым государственным центром*, оно же было и исполнительной властью, действия которой парализовывал парламент. Государство-парламент в свою очередь стало «государством-регионов», «государством, представляющим местные интересы», местом, где могли заявить о себе старые и новые номенклатурные группы. Вокруг него сплотились все враждебные государству Ельцина силы, группы, идеи, интересы. Неправильно было бы однако полагать, что легитимность государства-парламента основывалась лишь на действующий, но до неузнаваемости латаной-перелатанной конституции, провозглашающей, что вся власть принадлежит советам. Незаконно распущенный в сентябре 1993 года русский парламент советов в 1989-ом был избран на первых выборах, когда избиратели выбирали из нескольких кандидатов, причем сделано это было в соответствии с направленной на раскол государства стратегией Горбачёва, в противовес *централизованному имперскому партийному государству*. (Возрожденный лозунг 1917 года «Вся власть Советам!») Более того, в августе 1991-го парламент получил и революционную легитимацию (правда, эта революция была скорее дворцовым переворотом), защитив вместе с Ельциным новое русское государство и разрушив *централизованное советское государство-президента*, в которое по своему вкусу пытался превратить Советский Союз, оставшийся без Коммунистической партии, последний генеральный секретарь Горбачёв. Таким образом, парламент-государство советов было не каким-то реликтом, дошедшим до нас из советского прошлого, не искусственным политическим образованием, которое поддерживала к жизни одна только, да и то уже недействительная, советская конституция, которую можно было упразднить одним росчерком пера,

одним единственным указом, подобно тому, как упразднил в декабре 1991-го горбачёвское государство-президента Ельцин. Она была обладающим действительной легитимацией, *новой легитимацией* (правовой легитимацией, полученной от избирателей, традиционной легитимацией и «революционной легитимацией) силовом центром, интегрировавшим существующие интересы (и прежде всего, региональные) и ставшим боевым инструментом в руках постепенно вытесняемых из ельцинского государства, отодвигаемых на задний план, оказавшихся в невыгодном для них положении элитных групп номенклатуры и «бандократии», *тем инструментом*, с помощью которого они попытались ограничить, подчинить себе власть государства-президента, вплоть до сначала конституционного, а потом уже и насильственного её свержения. (Конституционный период русской государственной войны — кто кого заставит уйти? парламент снимет президента или президент распустит парламент? — не сразу сменила двухнедельная вооруженная конфронтация, насильственные выступления. Интермедией стала война против коррупции, начатая опальным, вытесненным из ельцинского государства вице-президентом Руцким. В этой войне одно русское государство пыталось уничтожить другое, объявленное им «рассадником преступности», «новым Вавилоном», «государством-мафией», и делалось это с *привлечением органов правосудия*. До того, как а ход пошло оружие, схватки прошли в конституционном суде и прокуратуре, в результате чего едва не разорвали пополам председателя конституционного суда и генерального прокурора, на последнем этапе борьбы чуть было не разодрали на две части патриарха. Точку в посреднической миссии главы православной церкви, закончившейся провалом, поставил его *политический инфаркт*. Политическим инфарктом закончилось и бесславное посредничество председателя конституционного суда Зорькина, ещё до его отставки и приостановки деятельности конституционного суда. Один только Генеральный прокурор Степанков сумел выйти сухим из воды, его с почестями освободили от занимаемой должности. А вот общество два русских государства разорвать не сумели, даже по

шву армии. Если бы это произошло, гражданская война оказалось бы неминуемой, о чём и подумать страшно.

Русское государство-парламент, вне сомнений, *оказалось слабее* государства-президента, несмотря на то, что оно обладало *правовой, революционной* и даже *традиционалистской* легитимацией (советы за 70 лет приобрели статус традиционалистского института). «Легитимационный перевес» государства – президента, оказавшийся впоследствии решающим, объяснялся «народной харизмой» Ельцина. Конечно, легитимация президентской власти была *правовой* (по Веберу, рационалистической), ведь Ельцин был избран в президенты Российской Федерации, набрав большинство голосов, на настоящих президентских выборах, в отличие от Горбачева, которого избрал не народ, а парламент и чья легитимация, таким образом, была слабее, чем у Ельцина. Более того, Ельцин подкрепил эту легитимацию в мае 1993-го всенародным референдумом, целью которого было отстранение парламента в рамках конституционной законности. Правда, он не сумел с помощью референдума поколебать законную легитимацию государства-парламента, чтобы на основе полученного от народа мандата законно и без кровопролития распустить парламент. Но ведь государство-президент и раньше, и теперь опиралось и опирается не на эту, то есть, на правовую, а на свою харизматическую легитимацию. Национально-русская и народно-русская политическая фигура Ельцина, его стиль, манера говорить *располагают к нему и помогают принять всё то*, что государство-президент делал и делает, от либеральной шоковой терапии до новой централизации, от правления с помощью указов до назначения новых выборов и учреждения Думы. Помимо *незримой* игры экономико-политических сил, рвущихся к власти, стремящихся вытеснить, а потом уничтожить другое государство, именно в этом кроется объяснение поражения государства-парламента. Оно не сумело найти такую личность, которая смогла бы стать её политическим воплощением, и поэтому харизматическая легитимация Ельцина осталась в силе. («Вознесение» Руцкого в государство-парламент, во-первых, произошло слишком поздно, во-

вторых, Руцкой с его ролью «бравого русского вояки» вряд ли сумел бы когда-нибудь взять верх над «народным», точнее, «номенклатурно-народным», медленно говорящим, одновременно по-детски наивным и плутоватым, нерешительным и беспощадно быстрым, наделённым силой «русского богатыря» Ельциным.) Государство-президент, *и с этой точки зрения тоже*, олицетворяет полнейшую преемственность русского развития. Не только в том смысле, что опять государство оказывается и инициатором, и исполнителем, и гарантом изменений, и не в том, что опять восстановление «преемственности русского развития» происходит с помощью ломки и разрыва, а в том, что из претендентов на статус русского государства в момент исторических перемен в конце концов победителем выходит тот, кто остаётся на исторической арене, кто умеет воплотиться в одном единственном лице, то есть тот, для кого главным легитимационным принципом станет исключительность личности, её особый дар, иными словами, харизма. И с этой точки зрения, между петровским, сталинским и ельцинским государством принципиальной, существенной разницы *пока нет*. Разница есть, возможна и, по всей вероятности, будет в том, что в соответствии с «идеями, господствующими» в данную историческую эпоху, с общепринятыми или модными принципами и технологией управления механизмом власти, Пётр I внедрил просвещённый абсолютизм и достижения *камералистики* в области государственного устройства, опираясь при этом на им же созданную «дворянскую бюрократию», Сталин довёл до совершенства принципы организации военного государства и военной экономики двадцатого века, опираясь при этом на бюрократию «партийного дворянства», на номенклатуру, Ельцин же берёт на вооружение либеральную доктрину демократии и её организационные принципы и пытается опереться на государственно-производственную (вросшую в государство, прилипшую к нему) номенклатуру, которую — вслед за Столыпиным — называет «средним классом». Во всех трёх случаях мы имеем дело с *«замещением среднего класса»*, когда государство творит по своему образу и подобию «общест-

во», «средний класс», как и — в случае необходимости — европейскую столицу, тяжелую промышленность, мануфактуры, космические корабли, а если потребуется, и демократию с рынком. Преемственность заключается в том, что и петровская формальная и функциональная бюрократия с её институтами Сената и Священного Синода, и сталинская государственная партия вместе с советским парламентом, и ельцинское президентство с новоиспечённой думской демократией были и остаются всё теми же творениями государства и бога-государства. И с этой точки зрения нет существенных различий между «Генеральным регламентом» Петра 1, «советской конституцией» Сталина и новой российской конституцией Ельцина: все они выражают всеилие государства, все они разработаны и введены государством, все они гарантируют видимую независимость общества, оправдывая-прикрывая тот разрушающий и творящий произвол, порождением которого они сами являются.

3

Политическая легитимация Ельцина (или того государства-президента, которое он олицетворяет) как бы объединяет в себе все легитимационные принципы государств русской истории: харизматическую легитимацию русского царя, то есть самодержавия, бюрократически-правовую, превратившуюся в традиционную легитимацию советского генсека и демократически-правовую президентскую легитимацию западного типа. А основой этого объединения является новая государственность, если угодно, воссоединение распадающейся России. Так что неудивительно, что Ельцин за последние два с половиной года чаще и эффективнее всего предстаёт перед обществом и внешним миром не в политических «ипостасях» *переговоров, компромиссов, сделок, а в указах (приказах, распоряжениях, поручениях), ультиматумах и воззваниях*, то есть в ипостасях политической конфронтации, и именно таким, *демонстрирующим силу, обещающим непосредственные и без-*

отлагательные политические меры, Ельцин вызывал симпатию, имел успех, пользовался популярностью. (Это как нельзя лучше подтверждает тот факт, что популярность Ельцина после того, как им был разогнан и разгромлен парламент, а затем введено чрезвычайное положение, быстро возросла. Выход на арену «твердой руки, наводящей порядок», «кладущей конец безвластию», «сильного человека» вызвал всеобщий вздох облегчения и симпатию не просто потому, что общество, якобы, «устало» от драки за власть, от хаоса и всё больше страдало от отсутствия безопасности, а ещё и потому, что оно не могло представить, да и не хотело *никакого другого порядка*, кроме порядка, установленного государством. Если государство опять станет сильным и сумеет навести порядок, общество, так и быть, простит ему, что оно разводит партии, играет с ним в демократию, со всеми этими Думами, двухпалатными парламентами и предвыборной канителью.) Русская модернизация, сердцем которой является государство, начавшее и проводящее её, и русская традиция государственности, олицетворяемой одним человеком, преемственна и в том смысле, что она на протяжении веков снова и снова сталкивается с одними и теми же неразрешёнными дилеммами и снова и снова предлагает тупиковые решения. Помимо основной дилеммы модели восточно-европейского развития (государство опережает общество и насилует его, а попытки создать государственным путём независимое общество всегда кончаются тем, что на месте свободного общества возникает «тотальное государство», лишаящее его даже этой скромной, едва народившейся независимости, подминающее его под себя) мы снова сталкиваемся здесь со старыми проблемами, например, с тем, что судьба демократических реформ зависит от одного единственного человека, чьё исчезновение может создать *политический вакуум*, привести к крушению всего государства-режима, и чьё присутствие является единственной гарантией того, что будет «демократия» и «рыночная экономика», и этот же человек является единственным фактором, препятствующим тому, чтобы государство «разрослось» и стало развиваться а тоталитарном направ-

влении. После трёхсот (а то и пятисот) лет перепетий царского самодержавия и сталинского тоталитарного государства критически настроенные интеллигенты, либералы и демократы, и сегодня по-прежнему уповают на «сильное государство» и «сильного правителя». (Справедливости ради надо заметить, что в России отчаявшемуся *интеллекту*, *решившему заняться политикой* и являющемуся сторонником «свободного», «открытого» общества и «рыночной экономики», ничего другого и не остаётся.) Юрий Карякин, «инакомыслящий» литератор, настоящий демократ, не просто стал членом так называемого «президентского совета», призванного заботиться о просвещении правителя, человека, в общем-то, «доброго» и «открытого», в интервью, данном им через несколько дней после октябрьской государственной революции, заявил, что является убеждённым приверженцем «сильного государства», «крепкой руки»: в России, якобы, это единственно возможный фундамент для законности и демократии. Сидя в такси и направляясь на очередное, на этот раз «победное» заседание президентского совета, он следующим образом рассуждает о прекрасном единении «интеллигенции и народа»: «Вот ехал на последний президентский совет (а народ сегодня ничего не боится, не боится, что кто-то донесёт, и все говорят, что думают), и шофёр говорит: «Ну, покажет наконец этот мужик, что он мужик?!» Вот если президент сумеет стать партией порядка и хотя бы ликвидировать с такой армией, которой нечего делать, этих бандитов, что стреляют в людей из окон, с крыш, ввести военное патрулирование, чтобы на улицах можно было спокойно ходить, если он предстанет психологически твёрдым представителем порядка, то это хорошо.»⁴ А на вопрос, где гарантия, что не знающее общественного равновесия, ограничений власти государство пойдёт в направлении именно «парламентской демократии», Василий Селюнин, экономист — «демократ» и публицист, пишущий свои статьи с позиций «здорового крестьянского смысла», не моргнув глазом, отвечает: Гарантия — Ельцин. «Такая опасность всегда существует. И тут стопроцентной гарантии никто не даст. Но президент не тот человек. Правда, это ещё ничего не значит,

есть его окружение и т. д.. Но президент не тот человек, и мы тоже на то и существуем, чтобы не допустить перехода за эту грань. А потом большой, не сказать — длительный, это всего несколько лет, но большой исторический путь народ прошёл со времен тоталитаризма, и сейчас туда загнать снова, какую-то диктатуру учредить не только трудно, но, я думаю, невозможно. Но и мы дремать, конечно, не будем.» — говорит Селюнин⁵) Карякин пишет по этому поводу следующее: «...Наблюдаю президента ещё до президентства его года четыре-пять, наверное. Вот этого зерна тоталитаризма, стремления к власти — этого нет совершенно! Напротив, было стремление обойтись без крови, и есть ещё наивность потрясающая, на которой его обвели вокруг.»⁶

Но как бы ни «слилось» это новое государство с личностью Ельцина, вряд ли можно отождествлять его «хороший характер» с «хорошим характером» государства, оставшегося без противовеса власти, без общественного противовеса. Вряд ли возможна демократия там, где только от самоограничения государства — от его разумного эгоизма, от осознания собственных интересов — зависит, насколько далеко зайдёт оно в поглощении общества. А уповать на личные качества Ельцина (не любит власти, терпелив, миролюбив, доброжелателен и т. д.), как это уже не раз бывало в русской истории, и теперь означает уход от настоящей дилеммы, или последний луч надежды в тёмном царстве. Русская интеллигенция уже верила и надеялась на правителей-реформаторов и кровавых диктаторов — от Петра I до Александра II, от Ленина до Хрущёва и от Сталина до Горбачёва — каждый раз веря в государство (в «сильное», но стоящее «за правое дело») и возлагая на него надежды, витиевато выражая при этом свои чувства, и *в них же*, в этих личностях (от антихриста Петра до антихриста Сталина, от беса Ленина до беса Горбачёва), она видела средоточие мирового зла в периоды разочарований, утраты иллюзий, когда государство ослабевало или распадалось. До тех пор, пока на одной шестой суши не «сможет прекратить своё существование» «единое государство», до тех пор, пока оно возрождается снова и снова, потому что возрождается необходи-

мость в интеграции этой огромной территории на политической и идеологической, то есть, «сверху» и «извне», основе (в противном случае крушение государства повлечёт за собой внутренний хаос, сегодня уже чреватый ядерной катастрофой), до тех пор, пока *государство* не станет играть роль всего лишь политических рамок для уже осуществлённой экономической и культурной интеграции, а не будет «историческим субъектом», «главным двигателем», *демиургом* просвещения, социализма, рыночного хозяйства, демократии, до тех пор обстановка «на Востоке» не изменится, до тех пор будет сохраняться опасность «*обоожествления*» или «*сатанизации*» тех политических деятелей, в которых оно воплощается. Слегка преувеличивая, можно сказать, что классическая сатира Салтыкова-Медрина «История одного города» и по сей день остаётся самой актуальной русской книгой.

4

Конечно, сколько русских государств, столько государственных стилей, столько у него «обликов» и столько «иллюзий». Ельцин, каким бы фантастическим образом ни изменилось новое русское государство, никогда не станет ни «Земным Христом», «Богом на земле», как русские цари, ни «Великим кормчим», «Отцом», «Вождём», как Ленин или Сталин. И не только потому, что он не та историческая личность которая, сосредоточив все свои силы на достижении одной единственной цели, *своей волей творит* новую Россию на месте старой, не потому что уже недостаточно молод для таких «созиданий» (ему уже не хватает энергии и бодрости, нет и необходимого фанатизма), не потому что он вышел из класса номенклатуры, что социализировало его в первую очередь на службу, на исполнение, а не на правление и созидание, он не сможет стать «божественным» и/или «сатининским» правителем, тираном потому, что обновление русского государства требует *нового осмысления* старой роли, и это новое воплощение в наше время передаётся не с помощью печатного сло-

ва, а через масс-медиа, с помощью технического изображения и «опосредованной речи», которые по своей природе способны делать из личности лишь звезду, но никак не *Бога* или *Дьявола*. (Поэтому попытки «сатанизации» и Горбачёва, и Ельцина оказались столь безнадёжно комичными, и поэтому эти попытки не смогли выйти из семантического круга благотворно *туманного*, но в наши дни почти *неэффективного* литературного слова. В то же время электронные средства массовой информации сделали явной гротескную комичность Хасбулатова, спикера парламента, игравшего роль «Великого гражданина», при том так, что он об этом даже не подозревал.) Для нового воплощения старой роли, для плана создания *нового*, западного по своему типу, повернувшегося лицом к Европе и Америке государства необходима была политическая и институционная маска президента, причём президента республики, обладающего правовой легитимацией. После эпохи царей и вождей-генсеков пришла эра *русских (или российских) президентов*. Надо сказать, что патент на изобретение принадлежит Горбачёву: это он «придумал» президентскую власть и президентскую республику, чтобы протянуть свою власть генсека советского имперского партийного государства через игольное ушко правого государства. Именно он был первым советским генсеком, который — хип-хоп! — перекувырнувшись, стал президентом. Но этот двойной трюк — удержание власти и смена государственного устройства — у него подсмотрели и переняли генсеки других советских республик. Даже «выжитый» из Политбюро Ельцин, получил возможность с другого бока коня-государства снова уцепиться за власть. Иначе едва ли бы Горбачёву удалось удержать начавшиеся по команде сверху изменения в *государственном русле*, к тому же правовая, рациональная легитимация президентской власти больше соответствовала ярко выраженному *западному* имиджу русского государства, с помощью которого он сумел эмоционально расположить к себе «Запад» и политически ввести в заблуждение «Восток». Этот *западный* стиль исполнения старой роли был доведен Горбачёвым до совершенства, что и понятно, ведь он играл перед «зрительным за-

лом» Запада. И, судя по всему, настолько убедительно, что в роли президента и экс-президента стал *настоящей звездой медиа*, сумевшей агонию старого советского государства, его распад и исчезновение с карты мира *преподнести как своё собственное политическое достижение*. Ельцин на самом деле лишь подхватил президентскую роль Горбачёва, повернув её к русскому зрительному залу. Его новаторство и оригинальность заключались в том, что он внес в президентскую роль *народно-русские и национально-русские моменты*, словно вселив в неё душу: из холодной, чужой, обращенной на собственную личность и на внешний мир роли он создал роль теплую, уютную, располагающую к себе. Если Горбачёв как президент играл роль белого клоуна, то Ельцин — спотыкающийся, из-за своей наивности вечно растягивающийся на полу, поучаемый и проучаемый, получающий затрещины Ельцин — это рыжий, и уже одним этим он более симпатичен соотечественникам, чем Горбачёв. *Вспыльчивый, горячий, ершистый* Ельцин, «задира», «младший сын из русской сказки», скандалист-номенклатурщик, у которого сердце болит за народ, сумел слить воедино эту свою роль с *божественной, или аристократически-элитной* холодностью роли харизматически легитимных царей-генсеков-вождей-пантократоров и рационально легитимного президента республики, создав такую новую роль, которая отвечает и русскому менталитету, и скрытой двуликости нового русского государства. Поэтому политический имидж Ельцина и его легитимацию государства-президента в далёком прошлом можно сравнить скорее с «контр-царём» Емельяном Пугачевым, чем с Петром I или Сталиным, в советской же истории напрашивается аналогия с Никитой Хрущевым. Но именно это соединение *данной, «западной»* роли в *популистско-националистической инструментовке*, и создает «Ельцина» (ибо и Ельцин такая же находка, как институт президентства, только его «придумали» демократические интеллигентские круги и заинтересованные в приватизации государственной собственности группы предпринимателей и номенклатурщиков, в то время как институт президентства — это изобретение Горбачёва и его команды,

именно этот народно-демократический президентский имидж позволил даже пресловутую шоковую терапию разыграть как «народную комедию», положительным героем которой стал «сильный человек, мыслящий в категориях «пятиста дней и рынка», не терпящий промедлений, быстро и решительно вводящий «рыночные отношения» и безжалостно топчущий бесстыжих коммунистических «гадин», «врагов народа», кладя конец саботажам и сговорам, решительным образом пресекая интриги и слухи. Без этого президентского имиджа, без такого политического образа Ельцина программа демократов стала бы производить впечатление *полнейшего абсурда*. Экономико-политическим группам, представляющим опеределённые интересы и вцепившимся в это государство, пришлось бы тогда или воочию предстать «нагишом», без идеологической одежды, или же прикрыться такими идеями, которые в России не могут превратиться в мифы и заслонить истинные интересы. Без политического мифа Ельцина «демократы» — мы пользуемся для обозначения нового государства тем названием, которое они сами себе дали — не смогли бы победить ни в августе 1991-го, ни в октябре этого года, они не смогли бы разбить сначала враждебное им советское государство (государство Горбачёва), а потом и парламентское государство (государство Хасбулатова). И с этой точки зрения политическая роль Ельцина в процессе преобразований в России — независимо от того, как он завершится или продолжится — неопределима, несмотря на то, что он таким образом сыграл эту роль — искренне, достоверно, убедительно —, что на самом деле он был на эту роль выбран. Вот почему он должен её доиграть. Ельцин как политический образ — это коллективное достижение новой «демократической» или либеральной номенклатуры. Ельцин является «групповым портретом» этого нового класса. Пока мы не знаем, создадут ли в дальнейшем группы, создавшие новое русское государство и взявшие его в свои руки, интеграционные рамки для представительства интересов других общественных групп (региональных, профессиональных, собственников и т. д.) и будет ли означать это новый этап на *последовательном пути* русской модернизации.

«Модернизаторы» и «цивилизаторы» (они же «демократы») прочно удержались на историческом повороте в октябре этого года: в пламени настоящей войны, в которую неожиданно перешла холодная война между двумя государствами, они, опираясь на «народную харизму» Ельцина и «активный нейтралитет» армии, смели со своего пути государство-парламент. Споры нет, русское государство-парламент главным своим делом считало не капиталистическую модернизацию, а представительство интересов вытесненных из властно-экономической борьбы, отставших, обойдённых, униженных, обобранных. Но делали они это, опять-таки ссылаясь на демократию, объявив себя её оплотом, так же, как это делало государство-президент Ельцина. Оба русских государства считали друг друга «врагами демократии», и оба русских государства орудовали этой, как им казалось, им одним принадлежащей демократией как дубинкой, только для того и пригодной, чтобы хорошенько огреть ей государство-противник. И что ж, «демекратия» государства-президента оказалась, проворнее и сильнее: «демократия», то есть группы интересов, объединившихся в государстве-президенте и объявивших себя интересами всего общества, раздавила «врагов демократии», то есть местные и общественные интересы, объединенные в пестром конгломерате государства-парламента, для того, чтобы на расчищенном от «врагов демократии» поле действия начать строительство долгожданной демократии, иными словами, порядков ельцинского государства-президента. Государство-президент, которое раньше могло опираться только на внутреннее ядро *своего политического окружения* (так называемую свердловскую команду), на *новичков*, примкнувших после августовских событий (перебежчиков, спасителей Ельцина, защитников Белого дома), а также на ельцинских комиссаров (полномочных представителей президента в регионах), на чиновников, на администрацию, за последние полтора года — с помощью обещаний и уступок — переманило на свою сторону наиболее влиятельные элитные группы военно-

промышленного комплекса, а через Черномырдина, сменившего экспериментировавшего с применением шоковой терапии Гайдара, привлёкло в сферу своего влияния часть руководителей крупных предприятий, удержав при этом значительную группу гуманитариев и специалистов (поддерживающую его за неимением лучшего: другого защитника профессиональной свободы, свободы печати, свободы рыночного предпринимательства в средствах массовой информации, кроме государства-президента, так и не нашлось). Шоковая терапия в экономике закончилась в конце 1992 года тактическим отступлением: конфронтация двух государств сменилась попытками согласования при помощи заинтересованных в нем элитных групп. Последовал период широко понимаемого «центризма», поиска компромисса (сюда относятся выборы Черномырдина, вынужденный уход многих радикальных ельцинистов, например, Полтаранина и Бурбулиса, переговоры с Гражданским союзом Вольского и т. д.), потом, когда эти попытки потерпели крах (а может быть, просто-напросто потеряли смысл с точки зрения «более сильного» государства), а впереди всё отчётливее замаячала опасность распада центральной власти, регионализации, хаоса, раскола армии, а значит, и гражданской войны, государство-президент, чувствуя за собой укрепившиеся позиции в экономике и армии и заручившись поддержкой Запада, решилось на решающий удар. На место шоковой терапии в экономике в конце 1993 года пришла шоковая терапия в политике. С разгромом второго государства пришёл конец «двоевластию», «двоегосударствию» в России.

Обычно в русской истории за распадом «единого государства» следуют интеррегнумы, смуты, когда образуется «двоевластие», одновременное существование двух государств, при котором отсутствие сильной центральной власти создаёт впечатление хаоса, безвластия (для русского сознания уже сам принцип разделения власти, разграничение ветвей власти означает политический распад страны, хаос и упадок). Несущественно, кто при этом сталкивается, *цари с лжецарями, Временное правительство с Советами, центральная власть*

с местными или государство-парламент с государством-президентом (законодательная власть с исполнительной). Важен исход этой борьбы, этих схваток: рождение нового государства. Заявление Ельцина о том, что «период безвластия в России кончился» означает то, что завершился вот уже восемь лет продолжающийся процесс рождения нового государства (это то, что мы уже упоминали как государственную революцию, поскольку она направлена на свержение старого государства, а от общества требует лишь терпения, пассивного отношения и, в дальнейшем, признания). Как ранее, в 1990—1991 годах из советско-имперского партийного государства выползло на свет централизованное советское государство-президент Горбачева (советский президент + советский парламент), так впоследствии, во время августовского дворцового переворота из треснувшего чрева государства-президента показалась Российская федерация, новое государство-парламент (русский советский парламент + русский президент), и так же теперь в кровавых событиях «октябрьского мятежа», вырвалось из тела матери, из тела государства-парламента, государство-президент Ельцина. И как в своё время имперское советское партийное государство не смогло примириться с горбачёвским государством-президентом и погубило себя в войне, которую оно само развязало, так и Горбачёв пал в результате столкновения советского государства-президента с русским государством-парламентом и его президентом в декабре 1991-го, и так же потерпело поражение русское государство-парламент от ельцинского государства-президента, которого оно же само — желая того, или не желая — когда-то породило. Даже это схематическое изображение процесса даёт понять, что то, что произошло в России, — это ещё не смена модели, а всего лишь смена государства. «Дух» русской государственности, покинув мертвое тело советского государства, словно «блуждающая душа» искал себе новое, окончательное, омоложенное тело-государство, в процессе этих поисков, переселяясь из одного государства в другое. На каждом отрезке процесса рождалось новое государство, но не новый общественный порядок, не новая цивилизационная мо-

дель и т. д.. А та инициатива, та активность, динамизм, предпринимательская жилка, которые характеризовали отдельные группы русского общества: техническую интеллигенцию, амбициозных политиков, мелких предпринимателей, промышленную номенклатуру, преступный мир, — могли реализоваться, лишь *слившись с государством, став им*. Не с гражданским обществом, и не с партиями, а с государством! Для того, чтобы в России реализовать какой-то замысел (заметим, что этот замысел может быть самым безумным!), не нужно убеждать в этом общество, нужно завоевать государство. А тот, кто завоевал государство, получит и общество.

6

И вот из глубины государства-матрѣшки появилось на свет *самое маленькое русское государство, думское государство* президента Ельцина, которое хоть и маленькое, но, судя по всему, самое удаленное и жизнеспособное. Сила его в том, что оно последнее, в нем нет следующей матрѣшки, нет ещё одного «единого государства», готового к прыжку, тело государства больше не будет делиться, оно может лишь сжиматься или растягиваться. Новорожденное государство уже продемонстрировало свою богатырскую силу осенью этого года на реинтеграционном процессе. Как будто распад советских государственных рамок понадобился только для того, чтобы, Россия, освобившись от тяжелой ноши, смогла сохранить своё территориальное единство и создать те новые правовые, экономические и военные рамки, в которых смогут существовать все, за исключением государства Балтии, бывшие советские республики (сегодня уже, конечно, «демократии», парламентарные диктатуры государства-президента, авторитарные республики, «монархии», и т. д., на любой вкус). И, конечно, не только из «благодарности за верность» и из желания наградить армию первое же после «октябрьской победы» заседание кабинета министров поставило единственным пунктом своей повестки дня «Военную доктрину России», изложенную ми-

нистром Грачёвым. Доктрина была тут же принята и быстро обнародована, в то время как раньше её обсуждение откладывалось в течение года. Новшество военной доктрины состояло не только в том, что она *есть* (раньше такого в России и не разрабатывали, и не обнародывали), а в том, что она продемонстрировала мощь нового государства: после восьми лет нерешительности, колебаний, отступлений от принятых решений и бездействия Россия наконец ясно обозначила границы, до которых она пойдёт — и до которых она действительно может пойти — в защите своих интересов. Новое русское государство *первым делом* оповестило мир: период «безвластия» и в этом отношении тоже кончился. Россия больше не будет уступать, но при этом отказывается от экспансии. Но она намерена в полной мере, в экономическом и военном отношении, присутствовать в восточно-европейском регионе и надеется, что это примут к сведению во всём мире. Таким образом, мощь нового государства находит своё отражение и в том признании и помощи, которую оно заслуживает и получает от ведущих западных стран. Ведь Россия будет способна на роль регионального «блюстителя порядка» лишь в том случае, если она сама будет стабильной, и только стабильная центральная власть сможет иметь и держать под контролем ядерное наступательное вооружение этой огромной страны, что является элементарным условием безопасности не только самой России, но и Запада, и всего мира. (Этим объясняются те жесты Запада — от сложностей со вступлением в НАТО до участия российских военных в силах ООН и совместной российско-американской космической программы —, которыми они как бы пробуют подбодрить лишившуюся былой уверенности в себе, униженную и подавленную российскую армию, а вместе с ней и всё русское общество.)

И наконец, сила нового государства проявилась в том (точнее, оно *хотело* проявить её в том), что «выносит» демократию, и не просто выносит, а «ставит её своей целью», «создаёт», *безотлагательно, здесь и сейчас*. Если нужно, мечом и огнём учреждает парламентскую демократию, если нужно, растоптав право, учреждает конституционное правовое госу-

дарство. Помимо *харизмы* президента и легальной монополии на применение силы, то есть силы армин, *это* и является его третьей, наименее существенной легитимационной опорой. Дума призвана служить не только для *репрезентации демократического лица* самого маленького русского государства. На той воображаемой площадке политических игр, которую она создаёт, где воображаемые партии движутся, сталкиваются, заключают друг с другом воображаемые компромиссы или вступают в воображаемые схватки не на жизнь, а на смерть, *реальные* противоречия, раздирающие экономику и общество, становятся более укротимыми для государства, менее неприступными. Региональные интересы (*на первый взгляд* совпадающие интересы групп местной номенклатуры, мафии, предпринимателей и местного общества в оппозиции к центральной, распределяющей-отбирающей государственной власти) не могут пойти по пути *огосударствления*, не могут вырвать для себя кусок государства из России, чтобы стать наперекор центру самостоятельным государством (как это случилось не так давно в бывшей вотчине Ельцина, на Урале), они могут заявить о себе на *представительском уровне*, как непосредственно, в Верхней Палате будущего парламента (между прочим, через 88 автономий и выборным путём), так и опосредственно, то есть через партии, что, однако, будет означать представительство одних и тех же местных интересов разными партиями. Тем, что центр *толкает* местные интересы на путь парламентаризма, участия в партийных играх, на путь выборов и представительства, причём при такой парламентской системе, которая и по конституции находится под каблуком у государства, оно само кладёт начало «огосударствления» местных интересов, их конфонстрации с центральной властью, при этом ещё и раздавая всем местным элитным политическим группам по ломтю из каравая государственной власти. И в то же время этим оно прокладывает политический канал для социального недовольства, на основе которого последние полтора года пыталась политизировать коммунистическая и националистическая оппозиция, пытавшаяся запрячь это недовольство в

телегу альтернативного государства, но безуспешно. Как бы там ни было, раньше, пока существовало русское парламент-государство, эта «оппозиция» обладала не одной или несколькими партиями, не парламентским представительством, а всей властью в одном из государств, что, правда, долгое время осуществлялось в рамках конституционной борьбы. Теперь она лишена возможности огосударствления: она должна стать одной или несколькими парламентскими партиями или же уйти в подполье, и в том, и в другом случае отказавшись от создания своего государства. Уже одно то, что она вынуждена стать партией (пусть даже находящейся в оппозиции ко всему существующему государству) и вынуждена отстаивать свои позиции в парламентской борьбе, убийственно для «оппозиции», привыкшей рассуждать в категориях «государство и массы», и строившей свою политическую стратегию как раз в расчете на то общество, которое и по сей день воспринимает идею многопартийности, раскол на части как признак слабости власти и для которого партии — это нечто подозрительное и далекое от жизни. Новому государству больше на угрожает опасность создания парламентского контргосударства. Во-первых, потому что большинство партий — это творение самого государства. Ельцин свистнул им, и они выскочили из кустов государства, где раньше прятались, и в Думе эти новопечённые партии будут в большинстве: партия Гайдара, партия Шахрая, партия Собчака-Попова и т. д.. Эти партии покрывают в интересах государства и с его помощью всю реальную раздробленность общества, и их, этих партий, будет столько, сколько потребуется государству для такого прикрытия и для того, чтобы иметь большинство в парламенте. Тогда оно сможет насаждать на русской почве капитализм и прививать демократию. Более того, в отличие от хасбулатовского государства-парламента, Дума в любой момент и в соответствии с конституцией может быть распущена президентом, если «рынок» и «демократия» (читай: высшие интересы сохранения единства и стабильности нового государства) того требуют. Парламент государства едва ли станет препятствовать осуществлению новой — на этот раз капиталистиче-

ской — программы государственной модернизации, а если вдруг станет, может быть в любой момент распущен. Над ним будет стоять президент, Ельцин, со своей харизмой и армией (условием существования последней и её жизненным интересом является сильный, единый центр), а под ним — темная, таинственно колышущаяся стихия — русское общество, которое в своём большинстве (по данным опроса населения, проведенного пару месяцев назад) и сегодня является сторонником «власти, сосредоточенной в одних руках», а не «разграничения ветвей власти», о котором оно знает только то, что ей привелось испытать на собственном опыте за последние полтора года: раздвоение государства, его ослабление ведут к хаосу и к упадку. После «кровавого октября», в преддверии парламентских выборов 85% москвичей не только решительно поддержало введенное Ельциным чрезвычайное положение, но и потребовало его продления и расширения, а выселение из Москвы в октябре этого года так называемых «лиц кавказской национальности» было воспринято им как самый лучший подарок, которым президент может порадовать свой народ. Все свои надежды общество по-прежнему возлагает не на партии, не на конституционность, соблюдение демократических правил игры, не на формальные законы, а на вездесущее государство и на лицо, его олицетворяющее. Но и некоторые интеллигентские группы, советники президента (включая его политическое окружение и некоторых членов его администрации) разделяют эти «народные предрассудки». В новой ситуации, сложившейся после октябрьских событий, они требовали от президента принятия, на основе какой-то революционной легитимации, *прямых, безотлагательных административных мер*. Ельцин испытывает на себе не только давление снизу, но нажим сверху: вместо того, чтобы миндальничать с «оппозицией» и играть с ними в законность да парламентарность, надо приостановить действие хлопотной, отнимающей массу времени «конституционной законности», только связывающей руки государственной власти, и ввести что-то вроде президентской диктатуры, которая впоследствии будет оправдана не «способом ведения» политической

игры (демократия, диктатура и т. п.), а её *эффективностью и целью*. Однако «элитные группы», решившие судьбу государственной войны и ставшие господствующими в новом российском государстве, с полным на то основанием удерживают Ельцина от подобного *популярного* шага, который, возможно, больше бы соответствовал его популистской политической натуре, чем роль президента, требующая от него большой политической мудрости и выдержки «хорошего правителя», возвышающегося над борьбой частных интересов, соблюдающего равновесие. Демократия, точнее, политический образ демократии, нужен новому государству для того, чтобы можно было оправдать кровь и пот, пролитые при её появлении на свет и для того, чтобы произвести *благоприятное впечатление* на внешний мир, прежде всего, на Запад, чтобы *дополнить* новым легитимационным принципом традиционную русскую легитимацию сверхвласти государства. Именно создание двухпалатного парламента позволит отделить президентскую власть, сохранить её авторитет, именно таким образом можно избежать того, чтобы президент стал представлять интересы той или иной партии, что было бы равносильно смерти его харизмы. (Неудивительно, что Ельцин всё время своего президенства, и даже до этого, обходил партии: он не основал своей партии и не встал во главе ни одной из уже существующих. Ведь этим бы он поставил под вопрос свою роль «третейского судьи», своё положение «выше и вне» дерущихся между собой частных интересов и не смог бы тогда стать символом единственного и единого государства.) Вот почему на другой же день после победы Ельцин одёргивает своих чересчур пылких, нетерпеливых сторонников, у которых закружилась голова от успехов и которые после расстрела Белого дома, после роспуска советов, окрыленные успехом политики «твёрдой руки», подталкивали президента перейти к политике «кулака и дубинки». Ельцинское обращение к нетерпеливым и радикальным ельцинистам, *одёргивающее их и призывающее* к терпению и порядку, было публичным, его показало телевидение. Но именно этим президент смог продемонстрировать то, что он стоит, *над* правитель-

ственными, партийно-политическими партиями, что он является стрелкой весов, что он сдерживает одновременно и нетерпение народа, и жажду мести и гнев политиков-интеллигентов, хотя он, со своей стороны, очень хорошо понимает это нетерпение. И действительно, на сегодняшний день Ельцин является единственным гарантом если не самой демократии, то вызывающего симпатию на Востоке и на Западе образа демократии, гарантом государственной модернизации, в случае успеха способной подготовить почву для смены моделей в Восточной Европе и смены цивилизаций в России: Ельцин как институт президентства, как народно-харизматический герой, как символ единства и единственности государства и как всенародно избранный, обладающий правовой легитимацией политик. В этом кроется причина того, что Ельцин, хотел он того или нет, нарушил данное им слово и отменил обещанные на июнь 1994 года президентские выборы. (Заметим, досрочные, вызванные роспуском парламента выборы.) Не вызывает сомнений, что причиной тому было не личное властолюбие Ельцина, страх выпустить из своих рук власть, а то, что он, государство, которое он опитворяет — с парламентом и без него — является легитимационной и властной точкой опоры нового государства. А значит, если он уйдёт со сцены, это приведёт к легитимационному кризису, пусть даже президентский пост будет сохранён и его надо будет только заполнить путём, предписываемым законом, а Дума будет избрана и окажется жизнеспособной. С уходом Ельцина образовался бы такой властный вакуум, который поглотил бы всё российское государство, с президентом и Думой. Иллюзией, конечно, является идея Ельцина (или обычным идеологическим оправданием за нарушенное слово) к концу своего президентского цикла «воспитать своего преемника (можно подумать что осталось только подождать, пока подрастёт новый царевич!) и популярное в среде «демократов» мнение, что Ельцин должен оставаться на своём посту до тех пор, пока положение в новом государстве не стабилизируется. В действительности же избежать вечной русской проблемы с наследованием власти, вакуума власти, интеррегнумов,

смут можно будет лишь в том случае, если демократия из политического плаката превратится в общественную действительность, то есть произойдёт столь часто упоминающаяся смена моделей и цивилизаций, а государство перестанет быть мотором, инструментом, общими рамками и смыслом «догоняющей и перегоняющей» модернизации. А то, что это произойдёт не в оставшиеся полтора года президентского цикла, можно сказать с полной уверенностью.

Примечания

Данная статья представляет собой сокращенный вариант одной из глав готовящейся мной монографии «Преобразования Советского Союза». Отдельные главы этой книги уже были изданы за последние годы: «Русский Веймар» на венгерском языке в трёх частях, в журнале «2000», 1990, №№ 2,3,4: «Советские республики без совета», на венг. языке, в журнале «2000», 1991, №№ 4,5,6: «В поисках нового класса. (Этюд о бандократии)», на венг. языке в журнале «Таршадалми сэмле», 1991, №8: «Украденный путч», на венг. языке: «Совет фюзетек» №3, на русск. языке: «Венгерский меридиан», 1992 №4: «Конец Советского Союза?» на венг. языке в «Совет фюзетек» №3, а также в журнале «Критика», 1991, №№11,12 «Великий московский словесный путч», на венг. языке в журнале «фильмвилаг», 1991, №12: «Видео-Миша и теле-Борис» на русск. языке: в «Искусство кино», 1993, №4, «Видео-Миша и теле-Борис» на венг. языке: в «фильмвилаг», 1992, №1: «Революционеры конца» на венг. языке в «фильмвилаг», 1992, №3.

1. Из речи Бориса Ельцина на заседание кабинета министров 2 ноября 1993 года
2. «Под сень надёжную закона» (Из открытого письма Владимира Максимова, Андрея Синявского, Петра Абовина-Егидеса, «Независимая газета», 1993, окт. 16)
3. Предвыборный лозунг Сергея Шахрая, правой (или левой) руки Ельцина, основателя партии «Российское Единство и Согласие» (называемой иногда и «партией регионов», партией «периферии»), который отражает консервативные установки партии и имеет не-

кий энгельсовский привкус. Этот лозунг прозвучал в телевизионной программе «Политбюро» от 5 ноября 1993 г.

4. «Как вы оцениваете события 3—4 октября в Москве», интервью в «Русской мысли», 1993 №3999, стр. 12
5. Василий Селюнин, цит. пр., стр. 13
6. Юрий Карякин, там же.